

Шестакова Людмила Ивановна

**Былое М.И. Глинки и его
родителей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л93

Л93 **Людмила Ивановна Ш.**
Былое М.И. Глинки и его родителей / Шестакова Людмила Ивановна – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 51 с.

ISBN 978-5-521-31083-8

ISBN 978-5-521-31083-8

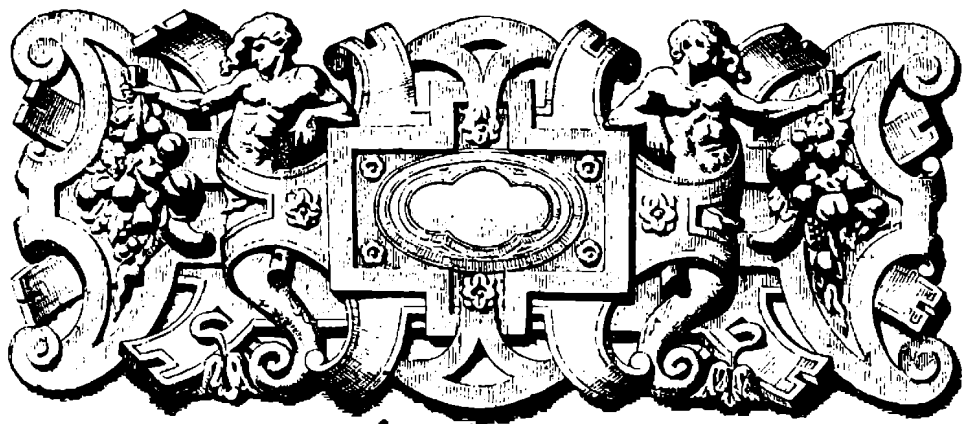
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Былое М. И. Глинки и его родителей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Пушкинъ.

Предисловіе.

Начинаю мои воспоминанія о близкихъ покойныхъ и прошломъ дорогомъ времени въ 1893 году, мая 30-го, въ день сорокъ второй годовщины по кончинѣ матери моей, Евгеніи Андреевны Глинки.

Насъ было 13, но всѣ братья и сестры мои умерли, а я, оставшись одна, охотно исполняю желаніе В. В. Стасова и другихъ — написать все, что слышала и помню о нашей семьѣ, особенно же о братѣ—Михаилѣ Ивановичѣ; и это даетъ мнѣ возможность вторично, хотя въ памяти, пережить прошлое.

Я была младшая и не могла не только помнить, даже знать давнишнія событія и дѣтство брата моего, М. И. Глинки. Я родилась въ 1816 году, а брата отвезли въ только что открывшійся въ Петербургѣ Благородный Пансіонъ въ 1817 году, и потому мои первоначальныя воспоминанія будутъ основаны на разсказахъ мнѣ матери и другихъ лицъ. Мать моя, не доживъ до глубокой старости, лишилась зрѣнія; я была при ней неотлучно послѣдніе три года ея жизни, и всякій разъ, когда я замѣчала, что она сильнѣе груститъ о своемъ несчастьѣ, я просила ее разсказать что нибудь о старинѣ, о дѣдахъ, бабушкахъ, отцѣ, братѣ Михаилѣ Ивановичѣ, — вообще о семьѣ, и она оживлялась, говоря о нихъ.

Передавая слышанное от нея, постараюсь быть послѣдовательной. Память моя сохранила многое, и я надѣюсь, что тотъ, кто будетъ писать пространную біографію брата, найдетъ что нибудь помѣстить въ ней изъ моихъ воспоминаній.

Періодъ I.

О дѣдахъ, отцѣ и матери.

Дѣдъ мой со стороны отца, Николай Алексѣевичъ Глинка, съ женою своею, Ѳеклой Александровной, жили въ своемъ родовомъ имѣніи—селѣ Новоспаскомѣ, близъ города Ельни, Смоленской губерніи. Дѣдъ былъ человѣкъ тихій, добрый, очень богомольный; онъ даже ѣздилъ въ городъ Тихвинъ, снялъ мѣрку съ явленнаго тамъ большаго образа Тихвинской Божіей Матери, заказалъ такой величины образъ въ богатой ризѣ и пристроилъ вверху церкви своей въ Новоспаскомѣ придѣлъ въ честь этой иконы; 26-го іюня тамъ престольный праздникъ.

Бабушка же была, напротивъ, женщина въ высшей степени энергичная; всѣ бразды правленія были въ ея рукахъ. Она была не злая, но позволяла себѣ пользоваться правами надъ крѣпостными людьми и не совѣмъ хорошо обращалась съ ними.

По кончинѣ дѣда, дѣтей осталось 9 человѣкъ. Они, исключая отца моего, были почти совершенно необразованы; имѣли средства, жили въ деревняхъ своихъ и занимались хозяйствомъ. Только дядя Дмитрій Николаевичъ любилъ птицъ и былъ страстный охотникъ, держалъ много своръ собакъ, борзыхъ и лягавыхъ.

Родовое имѣніе Новоспаское, по желанію дѣда, въ 1805 году поступило къ меньшому сыну, отцу моему, Ивану Николаевичу Глинкѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы мать его жила съ нимъ до ея кончины и распоряжалась всѣмъ, какъ прежде, полновластно, что, конечно, отецъ исполнилъ.

Мать же моя, Евгенія Андреевна, тоже Глинка по рожденію (но родства между ею и моимъ отцомъ не существовало) родителей своихъ не помнила; она осталась сиротой очень рано и жила у старшаго брата своего, Аѳанасія Андреевича Глинки, и жены его, Елизаветы Петровны.

У матери моей было двѣ сестры: старшая Александра Андреевна, въ замужествѣ за помѣщикомъ А. И. Булгакъ; она была довольно образованная и хорошая женщина. Съ сестрой этой мать была очень дружна, и мы всѣ почти не

разлучались съ ея дѣтьми; къ несчастью, всѣ они очень рано умерли; остался одинъ внукъ, сынъ дочери, Владиміръ Михайловичъ Нахимовъ, который теперь предводителемъ дворянства въ городѣ Ельнѣ.

Вторая сестра моей матери, говорятъ, была очень красивая и милая дѣвушка; звали ее Марѳа Андреевна. Она не была замужемъ и съ нею случилась очень печальная исторія. Въ молодыхъ годахъ она сдружилась съ одной дѣвицей, фамиліи не упомяну, которая впослѣдствіи вышла замужъ за г-на Р. Тетка моя, Марѳа Андреевна, хотя имѣла свои хорошія средства, но, по ихъ неотступнымъ просьбамъ, переѣхала жить къ нимъ. Сначала все шло великолѣпно. Прошло года два; Р. начали понемногу брать деньги у тетки и, когда забрали весь ея капиталъ, безъ церемоніи выгнали ее изъ дому. Она переѣхала въ село Шмаково и стала очень скучать и задумываться. Мать говорила, что они употребляли все возможное, чтобы развлечь ее; дѣлали консилиумы ничто не помогало. Она была такъ сильно потрясена поступкомъ подруги, которую любила, что въ скоромъ времени лишилась разсудка.

Мать возила насъ, маленькихъ, къ ней; она была тихая, ласковая; воображала себя англійской королевой и каждому изъ насъ давала по лоскутку бумаги: на немъ былъ написанъ приказъ англійскому министру финансовъ, который никто не могъ разобрать, о выдачѣ намъ по десяти милліоновъ. Она жила очень долго и умерла уже старухой въ имѣніи своего брата, селѣ Шмаковѣ.

Братьевъ у моей матери было три: старшій—Аѳанасій Андреевичъ, который былъ ея опекуномъ, второй—Павелъ Андреевичъ, умеръ очень молодымъ, и меньшой—Иванъ Андреевичъ. О немъ братъ тоже говоритъ въ своихъ запискахъ. Съ нимъ Михаилъ Ивановичъ часто игралъ въ 4 руки; онъ страстно любилъ музыку и нерѣдко бывалъ у насъ зимою съ 1851 на 1852 годъ, когда мы съ братомъ жили въ домѣ Жукова, на углу Невскаго и Владимірской. А потомъ вскорѣ Иванъ Андреевичъ умеръ.

Дядя Аѳанасій Андреевичъ, по словамъ отца и матери, былъ человѣкъ образованный и свѣтскій; жилъ весело, открыто, любилъ все изящное. У него были не только свой оркестръ, но своя крѣпостная труппа. Онъ отдавалъ въ Петербургъ учиться молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ. Были танцовщицы, пѣвицы и пѣвцы; давались отрывки изъ оперъ въ небольшомъ театрѣ. Помню, что разъ, ребенкомъ, отецъ повезъ меня къ нему въ какой то праздникъ. Дядя любилъ очень птицъ и у него была большая комната для

нихъ. Имѣніе его—село Шмаково находилось въ 7 верстахъ отъ Новоспасскаго, гдѣ жилъ отецъ мой, Иванъ Николаевичъ Глинка; со своими родителями. Сосѣди выдались часто и были дружны.

Мать моя была красавица, къ тому же очень хорошо воспитана и прекраснаго характера. Отецъ мой былъ отъ природы умный и по тому времени очень образованный молодой человѣкъ. Понятно, что, выдаясь часто, они полюбили другъ друга.

Долго уговаривали и упрашивали опекуна согласиться на ихъ бракъ, но всѣ мольбы были безуспѣшны.

Бабушка, видя сильную привязанность своего 18-ти-лѣтняго сына къ молодой 14-ти-лѣтней дѣвушкѣ, посоветовала ему увезти ее и способствовала въ этомъ.

Мать моя согласилась. Каждое утро очень рано она ходила купаться, и въ условленный день, 30-го мая 1802 года, въ 5 часовъ утра, она одѣлась въ свое лучшее бѣлое платье, а ежедневное и все остальное взяла съ собою. Въ назначенномъ мѣстѣ бабушка съ сыномъ своимъ ожидали невѣсту, сидя въ экипажѣ. Она на берегу озера разложила весь свой будничныи костюмъ и уѣхала съ женихомъ и его матерью въ Новоспасское. За каретой ѣхало 12 верховыхъ, на случай погони, и, по проѣздѣ кареты, разбирали всѣ мосты по дорогѣ. Но въ Шмаковѣ, не подозрѣвая ничего, спали спокойно и только въ 9 часовъ утра послали въ комнату барышни звать ее пить чай. Не найдя ее тамъ, пошли къ озеру, думая, что она запоздала встать; но увидя на берегу ея бѣлье, платье и обувь, подняли крикъ, начали баграми и сѣтью искать тѣло въ озерѣ. Это все отняло много времени, и мать моя была уже обвинена съ отцомъ въ Новоспасскомъ, гдѣ священникъ заранѣе ожидалъ ихъ въ церкви, и она вошла въ домъ отца уже его женою.

Дядя, видя, что всѣ поиски тщетны, смекнулъ правду и отправилъ людей въ погоню до Новоспасскаго, но опоздалъ. Бабушка призвала къ себѣ главнаго изъ посланныхъ и поручила сказать дядѣ, чтобъ онъ сегодня же непременно явился въ Новоспасское. Но дядя разсердился и не поѣхалъ. Тогда, на завтра, бабушка сама поѣхала въ Шмаково, и, когда дядя вышелъ ее встрѣтить, она безъ всякихъ разговоровъ ему сказала: «Полно тебѣ, мой батюшка, дурить! все уже кончено; садись-ка со мною въ карету и поздравимъ вмѣстѣ нашихъ молодыхъ». И дядя долженъ былъ согласиться: всѣ уважали старуху.

Вотъ какъ устроилась свадьба моихъ родителей. Они всю жизнь свою уважали другъ друга и были счастливы.

Первый сынъ ихъ, Алексѣй, умеръ очень маленькимъ, и мать говорила мнѣ, что отецъ и она были неутѣшны. Но въ 1804 году, 20-го мая, въ 6 часовъ утра, родился второй сынъ ихъ, извѣстный всѣмъ—Михаилъ.

По разсказу матери, послѣ перваго крика новорожденнаго, подъ самымъ окномъ ея спальни, въ густомъ деревѣ, раздался звонкій голосъ соловья, съ его восхитительными трелями, и мой отецъ, когда былъ въ послѣдствіи недоволенъ тѣмъ, что братъ оставилъ службу и занимался музыкой, часто говорилъ: «Не даромъ соловей запѣлъ при его рожденіи у окна, вотъ и вышелъ скоморохъ».

Невольно приходитъ на мысль: ежели бы отецъ услышалъ «Жизнь за Царя» и «Руслана», уже, вѣрно, даже въ минуты гнѣва, не назвалъ бы брата скоморохомъ.

Но буду продолжать разсказъ: Ужасное было положеніе родителей того времени, когда, вскорѣ послѣ рожденія брата, они должны были отдать его въ полное распоряженіе старухи его бабушки. Теперь, понятно, этого никто не сдѣлалъ бы, то тогда покорность волѣ старшихъ должна была принести ей въ жертву самое горячее и естественное чувство.

Братъ пишетъ, что онъ прожилъ у бабки до ея кончины. Она скончалась въ 1810 году, значить, онъ жилъ у нея 6 лѣтъ: довольно времени, чтобы повредить здоровью ребенка тѣмъ воспитаніемъ, которымъ его окружали; а отецъ съ матерью должны были безпрекословно подчиняться.

Обращаясь къ разсказу матери о братѣ.

Онъ былъ съ дѣтства кроткій, способный, богомольный и до конца жизни остался вѣрующимъ. Доказательствомъ служить то, что онъ умеръ, держа въ рукахъ образокъ—благословеніе матери, который хранится у меня.

Почти самоучкой началъ онъ читать церковныя книги: священникъ, который бывалъ у бабушки, показалъ ему титулы и, придя черезъ нѣсколько дней, былъ удивленъ, что онъ уже порядочно разбираетъ книгу.

Самое любимое занятіе брата было рисовать церкви мѣломъ на полу и, бывъ вообще кротокъ, онъ выходилъ изъ себя, ежели кто нибудь наступалъ на его рисунокъ: топалъ ножками, сжималъ кулаки и горько плакалъ, приговаривая: «На церковь наступили!»

О колоколахъ говорить не буду, это уже извѣстно.

Покуда онъ жилъ у бабушки, у него никакихъ друзей и товарищей не было; онъ росъ совершенно одинъ до шести лѣтъ и съ самаго рожденія былъ постоянно окруженъ женщинами. Бабушка потѣшала внука слѣдующими милыми играми: собирала нѣсколькихъ дворовыхъ дѣвочекъ, наряжала ихъ птицами—индѣйками, т. е. на ноги надѣвались рукава, а на головѣ завязывалась рубашка, и онѣ, ничего не видя, должны были танцевать; конечно, выходили смѣшныя столкновенія, и братъ искренно смѣялся.

Няня его, которая была при немъ у бабушки, Татьяна Карповна, рассказывала мнѣ, что братъ никогда не могъ видѣть, когда убьютъ муху или насѣкомое, и, видя или слыша, какъ бабушка бывало сердилась на прислугу или крестьянъ, только она начинала кричать, немедленно выбѣгалъ изъ комнаты, бросался къ нянѣ на шею и горько плакалъ. Одинъ разъ бабушка, замѣтивъ это, стала остерегаться, а няню наказала, говоря, что это она его научила. Въ то время вѣрно не полагалось въ дѣтяхъ чувство!

Вторая няня, или, какъ теперь называютъ, поднянька, въ помощь Татьянѣ Карповнѣ, была молодая, веселая женщина, Авдотья Ивановна, которая знала много разныхъ сказокъ и пѣсенъ. Впослѣдствіи она была моей няней; жила долго и рассказывала мнѣ слѣдующее: «Страшное наше житіе тогда было; я боялась вашу бабушку, какъ огня: какъ заслушу ея голосъ, такъ хоть бы провалиться! И бывало, когда бабушка замѣтитъ, что Михаилъ Ивановичъ скупченъ или не совсѣмъ здоровъ, сейчасъ крикнетъ: Авдотья, рассказывай сказки и пой. И барчукъ, какъ звали мы его, всегда былъ доволенъ этимъ!»

Такъ прошли шесть лѣтъ жизни брата.

Періодъ II.

Отъ кончины дѣдушки и бабушки до моихъ воспоминаній о братѣ.

Дѣдушка Николай Алексѣевичъ скончался въ 1806 году, а бабушка въ 1810 году. Послѣ ея смерти, братъ Михаилъ Ивановичъ и имѣніе Новоспасское поступили въ полное распоряженіе моихъ родителей.

Мать говорила, что отецъ очень любилъ семью и всѣ свободныя минуты отъ хозяйства и дѣлъ отдавалъ ей. Брата онъ особенно любилъ и радовался, что есть наслѣдникъ.

По словамъ матери, ей съ братомъ ладить былъ не трудно, несмотря на его избалованность. Онъ былъ такого мягкаго характера, что малѣйшему

ласковому слову повиновался и, напротивъ, жесткое, даже серьезное слово его приводило въ нервное раздраженіе.

Матушка распорядилась слѣдующимъ образомъ: она оставила при немъ старуху и молодую няню, къ которымъ онъ привыкъ, но отдалила отъ него всѣ неумѣстныя забавы, и, когда замѣчала, что онъ иногда сначала скучалъ, вспоминая о бабушкѣ, или объ играхъ, которыми его тамъ окружали, она старалась сейчасъ же занять его чѣмъ нибудь другимъ. Онъ скоро привыкъ и привязался къ маленькой сестренкѣ своей, Пелагеѣ Ивановнѣ, которая была годомъ моложе его и которую онъ видалъ прежде очень рѣдко, хотя жили въ одномъ домѣ: но его къ родителямъ не пускали, а иногда приносили или приводили Полю къ бабушкѣ, которая всегда встрѣчала ее словами: «Дѣвчонка, дрянъ, несите ее вонъ!» И мать, избѣгая этихъ возгласовъ, почти никогда не подвергала дѣвчонку имъ.

Въ 1811 году родители пригласили въ домъ вдову землемѣра, И. О. Мѣшкову, съ маленькою дочерью, Катей, годомъ старше брата. Другихъ товарищей дѣтства онъ не имѣлъ, кромѣ этихъ двухъ дѣвчонекъ. У сосѣдей, съ которыми наши родители были знакомы, мальчиковъ приблизительно возраста брата не было, а позволить своему сыну заниматься съ дѣтьми мелкихъ дворянъ, мѣщанъ или крѣпостныхъ считалось тогда униженіемъ.

Въ 1812 году, по случаю войны, вся семья должна была переѣхать въ Орель, чтобъ избавиться отъ грабежа, а главное несприятностей и оскорбленій отъ разныхъ забѣгавшихъ солдатъ и крестьянъ, недовольныхъ своими помѣщиками.

Хотя брату тогда было уже 8 лѣтъ, но онъ страстно изучалъ звонъ каждой церкви.

По возвращеніи въ Новоспасское, въ 1813 году, родители нашли все въ сохранности; хотя изъ строеній было многое разорено, потому что французы проходили близко, но имущество все было ограждено и скрыто крестьянами. Они любили отца моего. Онъ не только обращался съ ними человѣчно, но съ радостью и любовью узнавалъ ихъ нужды и помогалъ имъ. Въ губерніи нашей многіе помѣщики, по случаю войны, были совершенно разорены своими крестьянами. Не только тѣ, которые уѣзжали на это время, но даже при самихъ помѣщикахъ обирали все, что только хотѣли, и даже мучили ихъ, а иныхъ убивали.

По окончаніи войны, родители пригласили для брата, сестры и Кати,

воспитывавшейся вмѣстѣ съ ними, французенку—Розу Ивановну; но она могла пробыть весьма недолго, и ее должны были отправить назадъ въ Петербургъ.

Въ это же время братъ особенно пристрастился къ чтенію. Сказочки и стишки его не интересовали, а любилъ онъ читать или слушать рассказы о путешествіяхъ, странахъ, производительности, городахъ и природѣ.

Хотя у насъ стоялъ большой шкафъ съ книгами, но библіотека была небольшая, старинная. Помню, что тамъ находились 12 томовъ «О странствіяхъ вообще», «Всемирная исторія» и другія, изданныя еще при Императрицѣ Екатеринѣ.

Но добрый родственникъ, Александръ Ивановичъ Кипріяновъ, очень образованный, имѣлъ хорошую библіотеку серьезныхъ книгъ и выписывалъ все вновь выходящее. Онъ привозилъ книги брату, читалъ вмѣстѣ съ нимъ, много ему рассказывалъ,—любопытность мальчика ему очень нравилась. Когда они дошли въ путешествіи Васко де Гама до разныхъ острововъ Индѣйскаго Архипелага, братъ былъ въ такомъ восторгѣ, что принялся изучать описаніе этихъ прелестныхъ острововъ и впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что это, онъ полагалъ, было причиной его привязанности къ географіи и путешествіямъ.

Мать рассказывала, что братъ по нѣсколькимъ часамъ не отрывался отъ книги, такъ что она должна была какимъ нибудь способомъ отдалять его отъ чтенія. Съ сестрой и Катей онъ иногда бѣгалъ, игралъ, но больше любилъ сидѣть дома и читать.

О томъ, какъ проявилось первое чувство его къ музыкѣ, онъ самъ говорить въ своихъ «Запискахъ».

Въ 1815 году родители пригласили изъ Петербурга гувернантку, воспитывавшуюся въ Смольномъ Монастырѣ, Варвару Ѳедоровну Кламмеръ. Она была хорошо образована, учила брата и двухъ дѣвочекъ по русски, по французски, географіи и игрѣ на фортепьяно. Во всемъ братъ успѣвалъ удивительно. Она прожила въ нашемъ семействѣ до 1817 года и превосходно приготовила брата къ экзамену въ Благородный Пансіонъ, вновь открытый тогда въ Петербургѣ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, нынѣ онъ превращенъ въ первую гимназію.

Въ началѣ 1817 года, въ 20-хъ числахъ января, отецъ устроилъ большой, удобный возокъ и отправилъ мать съ братомъ Михаиломъ Ивановичемъ и сестрою Пелагеей Ивановной въ Петербургъ. Но такъ какъ самъ, по дѣламъ службы, не могъ сопутствовать имъ, то поручилъ дядѣ Аѳанасію Андреевичу, бывшему опекуну матери и брату ея, ѣхать съ ними.

Возокъ былъ теплый, обитъ внутри мѣхомъ и такой обширный, что въ немъ вмѣстились: мать, дядя, Варвара Ѳедоровна Кламмеръ, братъ 13-ти лѣтъ, сестра 12-ти лѣтъ и горничная.

Мать говорила мнѣ объ этомъ путешествіи относительно брата, что онъ всю дорогу увѣрялъ сестренку свою, что они ѣдутъ открывать новую страну, новыя земли. «Вѣдь Колумбъ открылъ Америку, и я открою какую нибудь землю, обо мнѣ будутъ печатать въ книгахъ, а я въ новыхъ земляхъ буду устраивать разные концерты, оркестры, музыку и много хорошихъ музыкантовъ». Или превращался въ Робинзона, а сестра была у него Пятницею. На эту тему тоже варіацій было безъ конца, но мать подробностей сохранить въ памяти не могла, а помнила, что они всѣ, взрослые, конечно, не давая замѣтить брату, вслушивались со вниманіемъ въ его рассказы сестрѣ и подъ иной чась посмѣивались увлеченіямъ и пылкому воображенію мальчика. Онъ такъ горячо и правдиво относился къ своимъ рассказамъ, что нельзя было не порадоваться, слушая его; въ нихъ не былъ забытъ и Васко де Гама.

О помѣщеніи брата въ Пансіонѣ и жизни въ Петербургѣ мать ничего не помнила: ей было много хлопотъ, а она первый разъ была въ столицѣ.

Но объ этомъ пишетъ братъ въ своихъ «Запискахъ», равно и о томъ, что онъ каждое лѣто ѣздилъ въ деревню на каникулы, когда былъ въ Пансіонѣ. Но понятно, что я первые пріѣзды его не могла помнить, а начала сознавать ихъ съ 1823 года, именно по возвращеніи его съ Кавказа.

Періодъ III.

Мои воспоминанія о братѣ.

16-го сентября 1823 года братъ возвратился съ Кавказа въ Новоспасское, привезъ мнѣ куклу и пробылъ всю зиму въ деревнѣ до апрѣля мѣсяца.

Братъ и тогда, и впослѣдствіи любилъ, чтобы жизнь его текла покойно и аккуратно, и потому у него всегда было распредѣлено время для занятій.

Въ деревнѣ вставали довольно рано; послѣ чая онъ обыкновенно писалъ музыку или что другое, потомъ долго игралъ на роялѣ, а передъ обѣдомъ читалъ. Обѣдали мы всегда въ 1 часъ дня; послѣ обѣда онъ бралъ насъ, меньшихъ, къ себѣ въ комнату, устраивалъ намъ игры и даже вздумалъ въ одной изъ своихъ комнатъ приладить для насъ гору, съ которой мы катались въ тазахъ. Гора эта была сдѣлана нижеслѣдующимъ образомъ: братъ прика-

заль принести доски, одинъ край ихъ былъ положенъ на окно, а другой оставался на полу.

Комнатъ у брата было двѣ; ихъ раздѣлялъ небольшой корридоръ, но двери обѣихъ комнатъ были почти одна противъ другой. На помѣщенномъ здѣсь рисункѣ деревенскаго дома, гдѣ родился братъ, три крайнихъ окна наверху. съ правой стороны—это была его спальня, очень большая комната, окнами въ садъ. Другая же, напротивъ, была тоже съ тремя окнами, гдѣ съ ранняго утра было солнце. Братъ отдавалъ ее птицамъ; въ ней стояли ели и много невредныхъ растений изъ оранжерей. Птицъ у него было болѣе 16: между ними были варакушки, ольшанки, черноголовки, малиновки и даже соловей; всѣ онѣ летали на свободѣ по комнатѣ, въ которой для брата была поставлена кушетка; онъ часто лежалъ на ней и прислушивался къ ихъ щебетанію и пѣнію. Помню, что онъ иногда бралъ меня съ собою, приказывая сидѣть смирно. И всегда, послѣ того какъ побудеть у птицъ, возвратится въ свою комнату, садится за рояль и играетъ долго, долго.

Меня тогда же онъ научилъ модной въ то время пѣснѣ: «Пчелка золотая, что ты жуужишь?», и его очень забавляло, какъ я это пѣла; равно и то, что, не понимая смысла, знала наизусть почти всю балладу Жуковскаго—«Людмила».

Отецъ мой самъ выбралъ мнѣ имя, очень меня ласкалъ и постоянно прибавлялъ нѣсколько словъ изъ баллады, называя меня. Въ угодность ему меня выучили этой балладѣ.

Братъ занимался музыкой очень много и пробылъ въ деревнѣ отъ сентября 1823 года до апрѣля 1824 года; въ апрѣлѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Хандрилъ иногда немного, но оркестръ дяди Аѳанасія Андреевича и вообще музыка его воскрешали.

Въ ноябрѣ 1825 года родители сообщили ему, что къ его товарищу и другу—старшей сестрѣ, Пелагеѣ Ивановнѣ, сватается женихъ, который ей нравится, но они не хотятъ рѣшить дѣло безъ него. Братъ немедленно взялъ отпускъ и въ декабрѣ пріѣхалъ. Кажется, онъ заѣзжалъ въ Москву, но утверждать этого не могу.

Теперь мнѣ захотѣлось сказать нѣсколько словъ объ этой сестрѣ моей, Пелагеѣ Ивановнѣ, которая умерла 8-го іюня 1828 года, на 23-мъ году своей жизни.

Не буду говорить объ ея качествахъ; довольно сказать, что ея мужъ, проживъ послѣ нея 20 лѣтъ, былъ неутѣшенъ и не женился. Что было удиви-